

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.33

А.И. Бобков

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИМИНАЛЬНОСТЬ И СКОНСТРУИРОВАННАЯ ЭТНОАРХАИКА: РАЗЛИЧИЕ СМЫСЛОВ

Проводится философский анализ процесса дезактуализации лиминальных практик в современных западных обществах и замены последних на этноархаические конструкты социального безволия этноса. Подробно рассматривается механизм объективации западных этносов как фактор господства ксенократических структур через замену лиминальности на этноархаическую праздность.

Ключевые слова: лиминальность; этноархаика; антиструктура; ксенократия; социальная субъектность; этническое самосознание; миф; смысл этнического.

Духовный кризис социума, предложенный как основа для анализа социальной сущности религиозного опыта, является на сегодняшний день очевидным для одних и надуманным для других. Эта двойственность восприятия является объективной характеристикой данного словосочетания.

Если один приспособился к состоянию изменения духовных ценностей или даже к их исчезновению, то другой не может с ним смириться в связи с тем, что вместе с духовными ценностями утрачивается смысл многих форм человеческой деятельности и сами эти формы исчезают. Как показывает современная ситуация господства социальной симуляции, исчезновение этих форм приводит к состоянию потери способности видеть в основании тех или иных социальных феноменов воплощение мыслительной деятельности. Мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что водораздел мысли проведен не там, где он должен быть проведен. Исток одних социальных форм дан в одном месте, а исток других – в другом. Чтобы не быть голословным, в качестве примера приведем тот факт, что такой социальный субъект, как этнос, создается больше благодаря эмоциям, нежели работе мысли. Этнос действительно не укладывается в рациональные схемы, не позволяет себя анализировать с целью долгосрочных прогнозов. Но это вовсе не значит, что мыслительная деятельность в создании образа этнического самосознания отсутствует.

Однако «засечь» эту деятельность не представляется возможным в силу того, что она скрывается за привычными оценками этнического самосознания как некоего агрессивного и подавляющего феномена. Страх не порождает мысли, а несет разрушение, безумие, социальную деградацию. Конечно, следует согласиться с А.С. Панариным в том, что подавляющий характер носит этноархаика, но ведь это более поздний конструкт западной мысли, предусматривающий этничность как экзотику, а не конкурента на поле истории. Можно сказать, что этноархаика есть этничность без самосознания, этничность без мысли. Этноархаика – это желание понравиться чужому, т.е. поставить наше этническое «мы» на то место, которое указали «они». Нахождение в этом месте через одобрение и есть смысл снижения конкуренции в про-

странстве интеллектуальных проектов истории. Указанное «нам» место или подход к нему и есть методология работы с неевропейским этносом в современных условиях. Конечно, нельзя не заметить и положительного значения этноархаики, ее потенциала сопротивления политике аккультурации. Вместе с тем уповать на то, что она не является манипулятивным конструктом, тоже не стоит. Здесь необходимо согласиться с мнением В.М. Хачатурян, утверждающей: «...нужно учитывать, что оживающие “остатки” архаики не могут быть полностью тождественны собственно архаическим культурным феноменам и представляют собой их модифицированные под влиянием цивилизации версии (например, дериваты или аналоги)» [1. С. 59].

Здесь важно заметить, что этноархаический образ «мы» легко позволяет расстаться со значимостью собственной мыслительной культуры, но не позволяет обрести понимание смысла иной. Следует заметить, что этноархаика не есть этническое мышление, потому что последнее подвергает сомнению рациональное структурирование социального бытия как единственного акта освобождения мышления субъекта.

Мысль этноса можно понимать как уход от рациональной структуры в сторону лиминальности. Рациональное провозглашает лиминальность как практику неприятия мира, как отсутствие смысла. Однако справедливости ради следует отметить, что любая работоспособная структура есть лишь закрепление лиминальных практик в иерархическом ранге. Любая структура есть эксплуатация лиминальной идеи, с одной стороны, и недопущение ее продолжения – с другой. Этническое самосознание метафизического характера есть, наоборот, продолжение того социосозидающего смысла, который был утрачен в результате процесса легитимации социальной структуры.

При лиминальном дискурсе этнического самосознания последнее направлено на поиск идеи, открытой «до нас» нашими предками и даже переданной нам, но в связи с внедрением рациональных форм мировоззрения не обнаруженной. Невозможность обнаружения пришла не сразу, более того, она пришла в результате «расколдовывания мира» (М. Вебер). В данном контексте под ним следует понимать лик-

видацию возможности обретения иного смысла лиминальных практик, кроме экзотического. Их театральный дискурс подавляет их функцию передачи смысла социального.

Лиминальность с этой точки зрения может выступать как предотвращение превосходства структуры над функцией. Как практика предотвращения превращения собственной элиты в ксенократическую.

Примечательно то, что такая угроза отчуждения элиты от собственного народа осознавалась человечеством очень давно. В антропологическом смысле она заключалась в привитии герою комплекса вины перед племенем за контакт с чужаками, пусть даже и враждебный.

Иначе с рационализированным универсальным миром. Здесь налицо опережение одних и «запаздывание» других. Причину этого запаздывания многие исследователи искали и находили в том, что лиминальные практики отвлекают внимание социума от усвоения универсальных социальных норм. Рационализация социального порядка направлена не на равноправие, а на закрепление недопущения обнаружения нелегитимности рациональной структуры господства и подчинения.

Смысл лиминальности и заключается в том, что она основана на практике разрушения структуры с целью возвращения экзотического состояния самобытности. Самобытие является в данном контексте конечным смыслом истории, а его отрицание – лишь временным тупиковым состоянием, отличающимся большими социальными жертвами. Ведь любая структура вертикального характера предусматривает вытеснение одних или принесение их в жертву. Часто эта жертвенность символична, но ее последствия реальны. Если прибегать к терминологии Ж. Бодрийара, то это «смерть социального».

Поэтому в условиях рационализации этнического следует говорить о двух элитах. Одна из них латентна, а другая публична. Одна структурирует и рационализует все вокруг для того, чтобы господствовать как можно дольше, а другая незаметно возобновляет лиминальные практики с демонстрацией невозможности социотворения без них. Она латентна. Ее незаметное действие позволяет говорить о ее отсутствии с точки зрения социальной реальности нелиминального характера.

Скрытая элита – это элита, занятая вопросом о том, как не допустить утраты этнической субъектности. Утрата этнической субъектности в данном случае может трактоваться как смена генезиса этнического с социального мышления на экзотическое чувство. Этноархаика и начинается тогда, когда этничность возникла сама собой или из-за страха перед другим. Она легко модернизируется, когда страх перед ксенократией или перед этническим самоубийством сменяется мифологемой их отмены.

Хитроумная гримаса истории в данном контексте заключается в том, что этноархаический тип этнического самосознания таит в себе снятие агрессивности окружающего мира, спокойствие дифференциации и симуляцию любви чужого. Иначе говоря, гнет социальной вертикали или иерархии растворяется в экста-

тическом единении с чужаком, которое до этого было невозможно.

Видимо, следует признать очевидным тот факт, что структура возникает не как насилие над «своими», а как снятие тревожности со стереотипа «мы – они». С чужим можно праздновать, ему можно репрезентировать свои лучшие качества, предварительно подвергнутые ревизии.

Ревизия осуществляется путем предложения систематизированной, теоретической модели заимствованного характера, отличающейся неким порядком и рациональностью. Этнос в них обходится без многих социальных практик, до этого воспитывающих доминанту национального характера и воплощающих его наличие. Комплекс вины за жизнеустройство этнического космоса на самобытных началах, «комплекс неучастия в истории» порождает многочисленные структуры. Их первооснова и заключается в том, что они снимают его. Этноархаика – одна из форм снятия этих комплексов.

Секрет успеха этноархаики, на наш взгляд, заключается в том, что она очень четко отвлекает от сути подлинной этнической субъектности. Эта суть в контексте антиструктурного социального анализа заключается в контроле над механизмами социального признания с применением иного масштаба к оценке их состояния. Этот масштаб исторически более широк, нежели масштаб, предлагаемый в контексте этноархаики. Последствия борьбы со структурой здесь оцениваются не как историческое недоразумение, а как обозначение присутствия этнического самосознания как первоосновы творения социума.

При этом становится очевидным, что этноархаика – это результат изменения процесса осмысления этнического самосознания. Взгляд на него переходит с метафизического на индивидуально-критический уровень. При этом материалистическое, вещное мировоззрение требует отказа от многих идей, составлявших основную суть нормального этнического бытия. Например, идея реализации этнического самосознания в истории становится неактуальной и признается искажением ее смысла. Вместе с тем любая попытка доказать обратное признается политически экстремистской или противоречащей общечеловеческим ценностям.

Общество должно быть тотально структурировано и избегать цивилизационной самобытности. Самобытность же этничности в том, что она способствует временному поддержанию чувства потребности в поглощении коллективом. Главное – не дать этническому самосознанию путем лиминальных практик засечь факт того, что этноархаика является признаком наличия паразитирующей элиты. Что она позволяет симулировать единение с народом и воспринимать последнее не как необходимость политического развития социума, а как некое политическое мероприятие, проводимое от случая к случаю. Не случайно, что в условиях этноархаических праздников «единение» с народом происходит по явно чужому сценарию.

Лиминальность выводит из состояния приспособления в состояние осмысления. Она позволяет до-

биться торжества социальной справедливости здесь и сейчас, в то время как этноархаика настаивает на ее невозможности. Невозможность справедливости в этноархаическом дискурсе заключается не в том, что она невозможна на самом деле, а в том, что она сознательно пугается с равенством, в то время как речь идет о братстве. Братство в данном случае воспринимается как социальная необходимость интеграционного начала. Этноархаика не допускает понимания смысла братства в вытеснении чужого. Она похищает смысл, творя миф о братстве как опоясывающей уравниловке. Поэтому индивидуальное сознание любого человека, глядя с такой позиции, предпочтет безобидную этноархаику лиминальности.

Теперь следует более подробно разобраться с естественным характером лиминальности и с искусственным – этноархаики. Всякое естественное состояние социума предполагает успешную реконструкцию социального развития без присутствия некоей чуждой силы. Оно есть причастность к открытию социальных закономерностей здесь и сейчас. Такое открытие позволяет совершить отказ от «данайских» даров, ибо выявляет смысл последних в качестве искажающих или замещающих социальные закономерности.

Лиминальность и есть тот взгляд на социум, когда обнаруживается различие между структурами естественного социального происхождения и структурами привнесенными. Их связь с иной социокультурной почвой позволяет выявить их смысл как укрепляющих господство чужаков. Лиминальность нарушает догму о том, что без этих структур общество обойтись не в силах, ибо оно теряет историческую субъектность. С другой стороны, лиминальность как раз восстанавливает этническое самобытие и ту субъектность, которая была потеряна.

Другой (чужой) вытесняется лиминальностью на периферию социума, а этноцентр восстанавливает свой господствующий смысл. Лиминальность обнаруживает начало этнической десубъективации и искусственность этнического безволия. Следует отметить, что лиминальность не расправляется с чужаком, она предлагает ему ассимилироваться, а не ассимилировать. Важно отметить тот факт, что лиминальность в первую очередь сосредоточена не на могуществе другого (чужака), а на собственных практиках принятия его даров и непонимании их смысла в момент этого принятия.

Ответим на вопрос «Почему лиминальность уступает этноархаике?». Причина этой уступки в том, что лиминальное социальное действие определяется как действие заблудшего разума, подверженного воздействию мифа. При этом миф понимается как альтернатива логосу. Миф создает бессилие и безволие человека, он сеет страх. В связи с этим лиминальная практика как исчезновение структуры этот страх усугубляет. Структура же наоборот является практикой изменения мировоззрения, т.е. лишения страха некоей почвы.

Учитывая потребность в некоем возврате в прошлое, структура предлагает некий симулякр лиминального действия, коим и выступает этноархаика. При этом постоянно идет акцентуация внимания

субъектов на том, что погружение в бессмысленную лиминальность – это удовлетворение потребности отличаться, но отличаться безвредно. Этноархаика позволяет массе убеждать себя в том, что никакого похищения практик социотворения не было. Легкое возвращение под власть структуры убеждает массу в том, что лиминальные акты, представленные в этноархаическом ритуале, не несут иного измерения братства, чем братство пустое.

Следует отметить, что такое понимание лиминальности, скорее всего, произошло в результате цензуры лиминальных ритуалов со стороны некоего социального субъекта, коему лиминальные практики явно мешали занять господствующее положение. Ему следовало доказать невозможность мышления в рамках лиминального космоса. Поэтому сначала в Европе лиминальность разрушал католик, а потом ее стал разрушать буржуа. Ему необходимо было интегрировать на основе рационального, а лиминальность иррациональна, поэтому он настаивает на ее неопределенности.

Справедливости ради отметим, что уничтожить лиминальность не удалось, но запретить искать в ней смысл – вполне. Обряды инициации нового времени, столь очевидно несправедливые, стали приемлемыми, когда историчность этноса была определена как тотальная несвобода. История была поделена на нетворческое существование и творческое пробуждение.

Теперь для большинства нет сомнения в том, что любое разрушение устойчивой структуры бессмысленно и вызывает в человеке лишь необузданные инстинкты. Однако мало кто различает лиминальное разрушение социальной структуры и этноархаическое. Разница между ними в том и состоит, что первое направлено на разрушение структур, возникших после второго этноархаического разрушения, отличающегося как раз господством тех самых необузданных инстинктов толпы.

Почему мы так строго различаем данные процессы? Все дело в том, что лиминальные практики носят ярко выраженную направленность на зависимость бытия конкретной общности от ритуалов перехода конкретного человека, выполненных с невероятным напряжением его интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств. Эти ритуалы не вызывают ни малейшего желания их симулировать, так как содержат репрезентацию последствий симуляции. Субъект, пытающийся их симулировать, сразу подвергается отторжению, становясь чужаком или «не человеком».

Практики этноархаические предусматривают тотальное человеческое существование, они снимают проблему чужого при помощи установления банкротства антитезы «свое – чужое». Смысл «своего» раскрывается как некое пережитое состояние заблуждения. Антиструктуры лиминального характера признаются неконкурентоспособными заблуждениями, не несущими смысла бытия конкретного индивида и конкретного общества в целом.

Усомнившись в смысле традиционных коллективных практик построения антиструктур, субъект уже стремится к тому, чтобы сделать размышления над их существованием неактуальными. Если же результат

этих размышлений все-таки наличествует, то его сразу сравнивают с теми ксенократическими образцами, где он заранее определен как заблуждение, лишаящее его носителя шанса на социальный успех.

Здесь не устанавливается очевидность нахождения механизмов социального признания в руках конкретных людей, симулирующих ритуалы перехода, нечестным путем занявших роль судей в угоду чужакам и накладывающих ограничение там, где лиминальные практики способны доказать обратное. Обратное в смысле признания успешными тех сценариев социального взаимодействия, которые до этого считались аутсайдерскими.

В этом подлинная суть лиминальности. Она есть акт демонстрации возможности справедливого действия механизмов социального признания. Лиминальность – это, скорее всего, разыгрывание сценария доступа к механизмам социального признания тех, кто не поддался этноархаике и не стал менять собственное мировоззрение в угоду ксенократическим нормам. Они только здесь имеют возможность продемонстрировать социальный потенциал актуализации антиструктурных процессов.

Следует заметить, что логика лиминальных практик укрыта только тогда, когда репродукция социальных институтов нормального характера является для нас независимой от воли конкретного человека. Он убежден, что этот процесс происходит «сам собой». Мы иллюзорно предполагаем, что аутсайдерские позиции многих людей – это объективный процесс социального развития.

Возможно, методологическая ошибка социального знания и состоит в том, что столкновение структуры и антиструктуры игнорируется. Структура как акт закрепления власти собственного ксенократа изображается таким образом, что иного не дано. Исторически мы упускаем процесс антиструктурного противодействия на всех этапах становления структур. Причина этого упущения в том, что симуляция антиструктурного действия, коей является этноархаическая практика, обозначается как подлинная лиминальность. Это усугубляется еще и тем, что общества, порекомендовавшие введение тех или иных структур, постарались свои лиминальные практики укрыть от чужого глаза. Однако их этноархаика носит совершенно иной характер, заключающийся в том, что она не восприни-

мается как экзотика. Она служит сокрытию лиминальности, но по-иному, ибо они создатели всех этноархаик в силу их первенства в открытии смысла лиминальности. Поэтому их этноархаика – это прикрытие, а этноархаики других – это отказ от собственной лиминальности.

Возможно ли изменение такого положения дел? Сказать, что нет, – значит отказать обществу, попавшему в стадию господства этноархаики над лиминальностью, в возможности развиваться творчески. В условиях господства структуры над функцией последняя если и выполняется, то экстаза от выполнения не приносит. Не приносит его и этноархаическая экзотика. Но предел структурирования наступает, заимствованные структуры управления с не прошедшими лиминальные ритуалы в качестве субъектов власти уже не в состоянии наделить субъектностью остальных. Ритуалы объективации заменяют всю полноту жизни, но ведь они не предполагают возрождение. Предписанная этносу беспомощность рано или поздно обнаружится. Она предстанет как технология этноразрушения, и следом обозначится замена лиминальности на этноархаику. Далее будет установлен их противоположный смысл. Социальная антисубъектность этноархаики на основании установления ее генезиса потребует отказа от заимствования, а значит, станет необходимостью осуществление поиска практик иного характера. И здесь ничего кроме лиминальности обнаружено не будет. Но это в то же время означает исчезновение величия чужого и отказ от восприятия этнического как пережитой экзотики. Этничность обозначит свое, не пережитое присутствие. Безмолвие этноса превратится в постоянное определение социального развития через ритуальные практики. Произойдет обнаружение связи там, где ксенократом связи не усматривалось, и исчезновение там, где эта связь утверждалась как наличествующая.

Такое переструктурирование, обнаруженное путем замены сконструированной этноархаики на лиминальность, даст в итоге снижение ксенократических структур в процессах управления и снизит аккультурационную компоненту бытия российского социума, с одной стороны, и остановит клановизацию – с другой. Ведь этнократия, по сути, легитимизируется за счет сконструированной этноархаики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хачатурян В.М.* Процессы архаизации в современной России // *Человек*. 2014. № 2. С. 56–70.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 27 января 2015 г.

SOCIAL LIMINALITY AND CONSTRUCTED ETHNOARCHAICS: DIFFERENCE OF MEANINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 74-78. DOI 10.17223/15617793/394/12

Bobkov Alexandr I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: iab71@inbox.ru

Keywords: liminality; ethnoarchaics; anti-structure; Xenocrates; social subjectivity; ethnic identity; myth; ethnic sense.

In modern societies, the process of modernization often faces ethnoarchaics as a resistance factor of reforming social structures. In this connection the problem of ethnoarchaics legitimation became a basis for the consideration of cultural, socio-political and economic discourse. These interpretations include the natural character of ethnoarchaics and often understand it as a technology of ethnocentric character. Such an approach is justified, but not complete, because it does not reflect the fact that ethnoarchaics can be a constructed phenomenon of artificial nature with an aim of preventing the alternative ways of social solidarity emergence. In this

connection, liminality is an alternative project of social consolidation which shows, on the one hand, the destructive nature of the artificial ethnoarchaics and, on the other, denotes a specific subject initiating this process in order to prevent the alternative models and modernization of contemporary Russian society. Therefore, it is necessary to offer a comparison of social liminality and constructed ethnoarchaics as a methodological move leading to the discovery of the xenocratic element as an objective phenomenon of social reality construction. This phenomenon needs simulation of the nation's spiritual revival and bringing it into the "harmless" exotics state. In this regard, the analysis of ethnoarchaic practices should emphasize that the representation of the exotic nature of ethnoarchaics completely lacks liminality as a founding beginning of society creation. Given the need for a certain return to the past, the structure offers a simulacrum of a liminal action, which is ethnoarchaics. The subjects' attention is drawn to the fact that immersing into senseless liminality is the satisfaction of the need to differ, but differ harmlessly. Ethnoarchaics allows the masses to convince themselves that no society creating practices have been stolen. An easy return under the power of a structure convinces the masses that liminal acts presented in the ethnoarchaic ritual bear only idle measure of brotherhood. It should be noted that such an understanding of liminality is, most probably, a result of liminal ritual censorship by a social entity that saw liminal practices as a clear obstacle to power. This entity had to prove the impossibility of thinking within the liminal space. Therefore, Catholics were first to destroy liminality in Europe, later the bourgeois destroyed it. The entity needed integration on the basis of the rational, while liminality is irrational, and the entity insists on its uncertainty.

REFERENCES

1. Khachatryan V.M. Protsessy arkhazatsii v sovremennoy Rossii [Processes of archaization in modern Russia]. *Chelovek*, 2014, no. 2, pp. 56–70.

Received: 27 January 2015